

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. С. СТАРОСТИН

ЯЗЫКИ АФРИКИ

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ
ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКОЙ
КЛАССИФИКАЦИИ

Том I

Методология. Койсанские языки

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 811
ББК 81.2
С 77

Рецензенты

*Доктор филологических наук, зав. отделом этнографии народов Африки
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого*

В. Ф. Выдрин

*Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института языкознания РАН*

А. В. Дыбо

Старостин Г. С.

С 77 Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 1: Методология. Койсанские языки. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 510 с.

ISBN 978-5-9551-0621-2

Книга представляет собой первый том масштабного исследования по созданию новой рабочей модели генетической классификации языков и языковых семей африканского континента, которая могла бы представить серьезную альтернативу для т. н. «стандартной модели» классификации африканских языков, разработанной Дж. Гринбергом более чем столетия тому назад и с тех пор неоднократно подвергавшейся критике за недостаточную основательность.

В первый том исследования вошла вводная часть — подробное описание методологии построения классификации, в которой синтезированы элементы классического сравнительно-исторического метода, «многостороннего сравнения» Гринберга и количественный подход к языковому материалу; в основе классификации лежит лексикостатистический анализ данных базисной лексики, подкрепленный тщательной этимологической обработкой. Вторая часть первого тома апробирует описанную методику на материале самой малочисленной и, во многих отношениях, «загадочной» из гипотетических макросемей Гринберга — койсанской (бушменско-готтентотской).

Книга предназначена для внимания специалистов по общему, сравнительно-историческому и типологическому языкознанию; африканистов самых различных профилей; и широкого круга читателей, в той или иной степени интересующихся теоретическими, методологическими и практическими аспектами реконструкции лингвистических аспектов предистории человечества.

ББК 81.2

© Г. С. Старостин, 2013

ISBN 978-5-9551-0621-2 © Издательство «Языки славянской культуры», 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

Часть I. Методология исследования

1.1. Общее описание задачи. Различные подходы к проблеме обоснования языкового родства	23
1.2. Критерии обоснования языкового родства и проблема «корректирующего фактора»: морфология и лексическая устойчивость	30
1.3. «Слабое» и «сильное» обоснование языкового родства ..	44
1.4. Фонетическая совместимость и фонетический изоморфизм	57
1.5. «Массовое сравнение» и значимость дистрибуционного фактора	65
1.6. Лексикостатистика: к проблеме оптимизации метода ...	79
1.7. Общее описание процедурных стадий исследования	136
1.8. Специфика африканского ареала в плане установления генетического родства между его языками.....	203
Приложение 1. Унифицированная система транскрипции..	254
Приложение 2. Сокращения названий языков и другие аббревиатуры	262
Приложение 3. Краткий семантический комментарий к элементам 50-словного списка	264

Часть II. Койсанские языки.

Общий обзор	301
2.1. Севернокойсанская группа	
2.1.1. Общие сведения и источники	310
2.1.2. Историческая характеристика	313
2.1.3. Лексикостатистика	321
50-словный список для севернокойсанских языков	322

2.2. Язык восточный ʃхоан	
2.2.1. Общие сведения и источники	333
2.2.2. Историческая характеристика	335
50-словный список для языка восточный ʃхоан	337
2.3. Южнокойсанская группа	
2.3.1. Общие сведения и источники	339
2.3.2. Историческая характеристика	346
2.3.3. Лексикостатистика	353
50-словный список для южнокойсанских языков	355
2.4. Центральнокойсанская группа	
2.4.1. Общие сведения и источники	391
2.4.2. Историческая характеристика	399
2.4.3. Лексикостатистика	406
50-словный список для центральнокойсанских языков ..	409
2.5. Язык квади	
2.5.1. Общие сведения и источники	436
2.5.2. Историческая характеристика	437
50-словный список для языка квади	438
2.6. Язык сандаве	
2.6.1. Общие сведения и источники	440
2.6.2. Историческая характеристика	441
50-словный список для языка сандаве	443
2.7. Язык хадза	
2.7.1. Общие сведения и источники	447
2.7.2. Историческая характеристика	448
50-словный список для языка хадза	450
2.8. Предварительные выводы	456
Приложение 1. Генеалогические деревья	476
Приложение 2. Сопоставительные таблицы	479
Литература	484
Summary	506

Предисловие

Общая идея исследования, предлагаемого вниманию читателя, складывалась у автора постепенно. Все началось примерно с того момента, когда, в качестве участника международного проекта «Эволюция языка»¹, он взял на себя нелегкую обязанность выявить и/или уточнить исторические связи между языками одной из наиболее загадочных языковых общностей планеты — койсанской (бушменско-готтентотской), а также, по возможности, установить наличие или отсутствие таких связей между койсанскими языками и другими языковыми семьями (как на территории самой Африки, так и других континентов).

Работа, начавшаяся с более или менее тривиальных процедур (сбор опубликованных данных, расписывание словарных материалов, составление лексикостатистических списков и т. п.), довольно быстро столкнулась с проблемами гораздо более фундаментального характера. Относительная скудность данных, доступных для изучения; типологическая уникальность фонетики койсанских языков — а вместе с ней и уникальность фонетических изменений, препятствующая уверенному обнаружению регулярных соответствий; сложнейшая система ареальных отношений, в рамках которой почти безнадежно перемешаны друг с другом гене-

¹ Evolution of Human Languages (сокращенно EHL); совместными руководителями проекта на то время (2001 г.) были ныне покойный глава Московской школы компаративистики С. А. Старостин (1953-2005) и лауреат Нобелевской премии по физике, соучредитель международного исследовательского Института Санта-Фе и, по совместительству, глубокий знаток исторического языкознания Мюррей Гелл-Манн. Основная цель проекта — создание единой генеалогической классификации языков мира, базирующейся на совмещении традиционной методологии сравнительно-исторического языкознания, формальных статистических методов и междисциплинарных подходов. По состоянию на 2012 г. руководство проектом на совместных основаниях осуществляют М. Гелл-Манн, Г. С. Старостин и И. И. Пейрос.

тические и контактные сходства соседних языков и языковых групп — все это в конечном итоге дало ясно понять, что единым сконцентрированным «ударом», даже если при этом учитывать весь гигантский опыт этимологических исследований по бесписьменным языкам, накопленный в рамках Московской школы компаративистики, пробить «койсанскую стену» не удастся.

Помимо прочего, стало очевидно, что дать ответ на вопрос «входят ли все т. н. койсанские языки в одну и ту же языковую семью?» принципиально невозможно до тех пор, пока соответствующие языки не будут сопоставлены — на базе единого, строго унифицированного стандарта — со всеми остальными крупными языковыми таксонами африканского континента. Интуитивно любому исследователю, бегло ознакомившемуся с основными типологическими характеристиками и сколь-либо представительной лексической выборкой по языкам Африки, может легко показаться, что на территории этого материка представлено два языковых типа — «койсанский» и «не-койсанский», настолько языки бушменов и готтентотов оказываются непохожими на все остальные. Но действительно ли это впечатление отражает историческую реальность? Подтверждается ли оно возможностью построить конкретный, достоверный, непротиворечивый сценарий развития от «общафриканского» (а, может быть, и «общемирового») языка-предка к современным потомкам? Получить удовлетворительный ответ на эти вопросы без длительной, кропотливой работы над материалом, отобранном по всем без исключения языковым семьям Африки, невозможно.

Единственный на сегодняшний момент опыт такой работы принадлежит одному из самых уникальных лингвистов XX в., едва ли имевшему себе равных по охвату кругозора — Джозефу Гринбергу (1915-2001). Общая классификация языков Африки, разработанная им в 1940-е—1960-е гг., до сих пор пользуется огромной популярностью, даже несмотря на то, что критические замечания в ее адрес со стороны лингвистов-африканистов с каждым годом становятся все громче. По мере того, как наши знания о языках Африки постепенно возрастают благодаря новым полевым исследованиям, а сравнительно-исторический метод начинает применяться к доселе незатронутым мелким языковым семьям континента, все отчетливее выходят на поверхность многочисленные не-

достатки в классификации Гринберга: использование ошибочных и недостоверных данных, размытые критерии фонетического и семантического сходства, недостаточный учет контактных отношений между соседними языками и т. п. На сегодня этого достаточно, чтобы серьезно *усомниться* в истинности модели, предложенной Гринбергом. При этом, однако, никому до сих пор не удалось эксплицитно продемонстрировать *ошибочность* полученных им результатов.

Ситуация оказывается в каком-то смысле парадоксальной: с одной стороны, большинство современных лингвистов категорически отвергает метод «массового сравнения», с помощью которого создавалась африканская и другие классификации Гринберга, с другой — вынуждено, тем не менее, опираться на эту классификацию как на сомнительную, но все же рабочую модель, в силу полного отсутствия альтернативных схем. Единственной альтернативой оказывается негативная — полный отказ от всех классификационных гипотез, за которыми стоят Гринберг и «массовое сравнение», т. е. своего рода «откат» от разработанной им модели четырех африканских макросемей к состоянию, в котором африканское языкознание пребывало в первой половине XX в., когда оно оперировало разрозненным набором из сотни с лишним языковых групп, родственные связи между которыми оставались неопределенными.

Возможно, что эта альтернатива с воодушевлением будет поддержана т. н. «сплиттерами» — специалистами, предпочитающими по возможности оперировать мелкими таксономическими единицами, избегая попыток сведения их к более крупным, не поддержанным строжайшими логическими и статистическими доказательствами. Но даже наиболее последовательные «сплиттеры» вряд ли станут утверждать, что присутствие на территории Африки нескольких десятков языковых семей, *никак* не связанных друг с другом отношениями генетического родства — правдоподобный исторический сценарий. Речь идет скорее о том, что соответствующие отношения могут восходить к такой глубокой древности, что ни «массовое сравнение» Гринберга, ни даже классический сравнительно-исторический метод уже не позволят восстановить их единственно правильным способом.

Основную идею нашего исследования можно вкратце изложить следующим образом. Генетическая классификация, в отличие от типологической, в обязательном порядке предполагает наличие исторической *реконструкции*: либо эксплицитной (как в традиционной компаративистике), либо подразумеваемой (как в «массовом сравнении» Гринберга, которое формально избегает реконструкции, но на практике, разумеется, предполагает существование формы-«предка» для каждого сопоставления). Как известно, любая историческая реконструкция — аппроксимация; реконструкция не может претендовать на отражение абсолютной истины. Однако и аппроксимации могут существенным образом различаться по качеству. Реконструкция, которая целиком и полностью оказывается *внутренне непротиворечивой* (т. е. не предполагает протекания взаимоисключающих исторических изменений), *типологически правдоподобной* (т. е. не постулирует таких конкретных исторических процессов, которые бы открыто противоречили накопленной теоретической и эмпирической базе исторического языкознания) и *системной* (т. е. не представляет собой набора разрозненных, несводимых к единой структуре постулатов), может считаться такой аппроксимацией, «зазор» между которой и истинным историческим процессом ничтожно минимален и, следовательно, пренебрежим. Данными такой реконструкции можно пользоваться примерно с такой же степенью доверия, как и, например, данными письменных исторических источников (в отдельных случаях — даже с бóльшим доверием, т. к. проблему оценки степени фактологической достоверности исторических источников пока что никто не отменял).

Главный недостаток исторического сценария, в свое время предложенного Гринбергом, заключается в том, что он не удовлетворяет ни одному из вышеперечисленных критериев: любой, даже самый поверхностный, анализ выявляет в нем и внутренние противоречия, и неправдоподобность, и бессистемность. При этом, однако, никто из критиков Гринберга не доказал, что все эти проблемы по той или иной причине должны быть имманентно присущи любому макрокомпаративному исследованию (откуда следовало бы, что любые занятия «дальним родством» языков заведомо бесперспективны). Наоборот, скорее можно сказать, что все они вызваны техническими причинами — такими, как скуд-

ность и некачественность конкретных языковых данных, которые находились в распоряжении Гринберга; недостаточная разработанность на тот момент типологии фонетических и семантических изменений; поверхностный подход к сопоставлению материала плохо изученных семей, сознательно игнорировавший сложные вопросы исторической реконструкции на мелких хронологических уровнях и т. п.

Для того, чтобы выйти из сложившейся тупиковой ситуации, на наш взгляд, основной задачей следует сделать построение *оптимального исторического сценария* — такой схемы развития, которая наименее противоречивым, наиболее системно-связанным и наиболее экономным образом объясняла бы те сходства и различия, которые можно наблюдать на языковых уровнях, имеющих первичное значение для генетической классификации (базисная лексика и грамматика). Основное отличие такого подхода от методики Гринберга заключается в том, что оптимальность сценария не может быть удостоверена простым нагромождением сравнительного материала; за каждым сопоставлением в рамках такого сценария предполагается наличие конкретного объяснения *причин* не только фонетических и семантических *сходств*, но и *различий* между членами сопоставления.

Иными словами, для каждой морфемы (лексемы) А из языка L_A , сравниваемой с морфемой (лексемой) В из языка L_B , необходимо иметь возможность не только сказать, что «А и В обладают значительным фонетическим и семантическим сходством и, следовательно, могут быть использованы как аргумент в пользу генетического родства L_A и L_B », но и дополнить это утверждение следующим образом: «Существует такой-то типологически достоверный сценарий — или определенное множество таких-то примерно равновероятных типологически достоверных сценариев — того, каким образом формы А и В сумели развиться из единого источника, и этот сценарий непротиворечивым образом вписывается в общую систему возможных правил развития, постулируемую для ближайшего общего предка языков L_A и L_B ».

Разумеется, невозможно утверждать, что для любой, произвольно взятой, ситуации в том или ином лингвистическом ареале (будь то африканский континент или любая другая зона), всегда удастся установить единую генеалогическую классификацию для

всех ее языков, удовлетворяющую строжайшим критериям сравнительно-исторического языкознания — полный набор регулярных фонетических соответствий; стройная, доказательная система парадигматических изоморфизмов в грамматике и т. п. Но нет ничего безрассудного или предосудительного в утверждении, что для каждой такой ситуации можно по меньшей мере сконструировать определенный выше оптимальный сценарий.

Одним из основных недостатков большого числа работ по сравнительно-историческому языкознанию является своего рода «наивный максимализм» — тенденция к неразличению между правдоподобными, но не строго доказательными гипотезами, и гипотезами заведомо неправдоподобными и недоказуемыми. В рамках этой тенденции, например, ностратическая гипотеза В. М. Иллич-Свитыча и яфетическая «теория» Н. Я. Марра могут упоминаться в одном и том же контексте, несмотря на кардинальные различия в подходах этих исследователей (ностратическая гипотеза как минимум удовлетворяет критерию фальсифицируемости, в отличие от принципиально нефальсифицируемой «яфетологии»).

Идея оптимального сценария, на который можно будет опираться как на рабочую модель, предполагает отказ от такой практики. На самом деле для каждой гипотезы языкового родства возможна *относительная* оценка, представляющая собой подробный ответ на такие вопросы, как: «содержатся ли в данной гипотезе утверждения, противоречащие теоретическому аппарату и/или накопленной эмпирической базе исторического языкознания?»; «существуют ли гипотезы родства, *альтернативные* предложенной и при этом обладающие большей объяснительной силой?»; «будет ли альтернативная интерпретация представленных аргументов — например, как следов языковых контактов или случайных совпадений — более экономной?»; «будет ли она лучше согласовываться с представлениями о том, как, по каким причинам и с какой скоростью протекают языковые изменения?» и т. п.

Важнейшая техническая проблема, стоящая на пути такой оценки — общий *объем* языкового материала. Поскольку два и более языков, в конечном итоге восходящих к общему предку, могут сохранять следы исконного родства на всех языковых уровнях и во всех подсистемах всех инвентарей этих уровней, конкуриру-

ющие гипотезы языкового родства можно предлагать на совершенно разных основаниях. Для одного исследователя предпочтительным материалом сравнения окажутся грамматические морфемы, для другого — порядок слов, для третьего — накопленный этимологический корпус из двух-трех тысяч лексических корней и т. п. В таких условиях проведение сравнительной оценки гипотез невозможно, т. к. подобная оценка может быть дана лишь исходя из унифицированной системы критериев.

Именно поэтому, на наш взгляд, при построении первичной рабочей модели генетической классификации языков того или иного ареала необходимо сознательно ограничить себя определенным «срезом» языкового материала, который, с одной стороны, имеет ключевое значение для определения генетического статуса исследуемых языков (содержит большое количество т. н. «генетических маркеров»), с другой — является *имманентным* всем без исключения языкам ареала (в идеале — всем без исключения языкам *мира*, т. к. «лингвистический ареал» — понятие сугубо расплывчатое и относительное). На дальнейших этапах работы можно и нужно будет расширять аргументацию за счет привлечения дополнительного материала, но это уже будет своего рода «надстройкой», т. е. продвинутым компаративным исследованием в рамках разработанной рабочей модели.

В качестве такого «среза» мы, придерживаясь методики С. А. Старостина, выбираем т. н. «базисную лексику», а в качестве основного квантитативного метода, работающего на этом срезе — лексикостатистический анализ, первоначально разработанный М. Сводешем, в дальнейшем значительно усовершенствованный в трудах С. А. Старостина, и на сегодняшний день прошедший успешное тестирование на материале самых разных языковых семей мира в рамках проекта Московской школы компаративистики «Глобальная лексикостатистическая база данных». Подробное обоснование того, почему основной акцент рекомендуется изначально делать именно на базисной лексике (а не, например, на грамматике), будет дано ниже, в первой (методологической) части исследования. Здесь отметим лишь, что конкретно в исторической африканистике как лексические сопоставления, так и их лексикостатистический анализ до сих пор пользуются большой популярностью при разработке классификационных гипотез, так

что в этом отношении наше исследование не носит принципиально новаторский характер.

Главное отличие стоящей перед нами задачи от предыдущих работ по африканской (и не только) лексикостатистике можно кратко (ниже об этом будет говориться гораздо подробнее) охарактеризовать следующим образом. Согласно достаточно популярному, и весьма неприятному, заблуждению, *лексикостатистика*, понимаемая как «сопоставление совпадающих по значению и сходных по форме элементов заданного словарного списка», и *сравнительно-исторический метод*, понимаемый как «установление регулярных фонетических соответствий на материале генетически родственных морфем», противопоставлены друг другу как два альтернативных, во многом не связанных друг с другом, метода установления языкового родства; при этом подразумевается, что «серьезный» лингвист в этой ситуации должен отдавать неизменное предпочтение сравнительно-историческому методу как более строгому и доказательному. Более мягкий подход предполагает, что лексикостатистический анализ должен все-таки опираться на результаты сравнительно-исторической обработки материала (т. е. слова в заданном списке должны сопоставляться не на основании фонетического сходства, а на основании ранее установленных фонетических соответствий), но при этом все равно может оставаться «механистическим», т. е., кроме наличия или отсутствия между сравниваемыми словами фонетических и семантических изоморфизмов, не учитывать никаких других деталей — например, информации о дистрибуции форм в сравниваемых языках и т. п.

На самом деле, однако, лексикостатистика и традиционное сравнительно-историческое языкознание никоим образом не являются «антиподами»; напротив, они предельно логично и стройно дополняют друг друга. Лексикостатистика, не опирающаяся на всестороннюю поддержку со стороны теоретическо-эмпирической базы сравнительно-исторического языкознания, будет оставаться не более чем «мертвой» числовой матрицей, которую невозможно достоверно спроецировать на конкретный исторический сценарий. Но, в свою очередь, и многие гипотезы, предложенные (якобы) на базе применения сравнительно-исторического метода, будут оставаться неубедительными «пустышками», если

их серьезность не будет продемонстрирована в рамках единого, унифицированного и наглядного количественного метода — наиболее эффективным и удобным для применения из которых на сегодня и является лексикостатистика. Не секрет, что за последние несколько десятков лет накопилось огромное количество работ по языковому родству (в том числе и африканскому), авторы которых неизменно клянутся в верности сравнительно-историческому методу — но из-за того, что конкретное практическое понимание основных постулатов метода у разных исследователей различается, далеко не все эти работы имеют истинную научную ценность, и лексикостатистика здесь оказывается той самой «лакомусовой бумажкой», которая позволяет отделять перспективные гипотезы от фантазий.

Что касается Африки как условного лингвистического макроареала, на котором можно опробовать предлагаемый подход, то, на наш взгляд, африканский континент — одна из наиболее удобных площадок для тестирования его эффективности, по целому ряду причин, как-то:

1) Африка отличается колоссальным языковым разнообразием, что, впрочем, неудивительно, учитывая, что именно этот континент сегодня уверенно считается прародиной человечества. С другой стороны, для Африки типичными являются и ситуации длительного сосуществования в пределах достаточно замкнутого географического пространства носителей разных языковых семей, что обычно является стимулом к конвергенции. Иными словами, языковые отношения в Африке представляют собой сложнейшую сеть генетических и контактных изоморфизмов. Если выбранная нами методика «этимологической лексикостатистики» сумеет распутать эту сеть, это будет означать, что она, скорее всего, применима и к любому другому языковому ареалу планеты.

2) В статистическом плане, за редкими исключениями, языки Африки — бесписьменные; традиция их изучения лишь в небольшой группе случаев восходит к XIX в. или более ранним периодам. Это означает, что почти все выводы исторического характера можно делать лишь на основании сравнения современных языковых форм, что значительно осложняет работу компаративиста по сравнению, например, с такими крупными языковыми семьями Евразии, как индоевропейская, тюркская, дравидийская, сино-

тибетская и др. Тем важнее, однако, убедиться в том, что «этимологическая лексикостатистика» *не требует* обязательного наличия языков с известной историей для того, чтобы выдавать исторически достоверные результаты. Следует помнить, что ситуации, аналогичные индоевропейской (где для многих современных языков надежно зафиксированы их прямые или «боковые» предки двух-трехтысячелетней давности), в общемировом масштабе представляют собой *исключение*, а не *норму*, и при разработке общих стандартов сравнительно-исторического языкознания в первую очередь нужно учитывать их эффективность применительно к языкам «без истории».

3) С другой стороны, в плане общей изученности ситуация в Африке принципиально отличается, например, от ситуации в таких регионах, как Юго-Восточная Азия (где к систематическому описанию мелких бесписьменных языков лингвисты приступили лишь совсем недавно) и Новая Гвинея (где, судя по недавно проведенной в рамках проекта «Эволюция языка» инвентаризации, накопленные лингвистические данные не только не всеобъемлющи, но даже с большим трудом могут считаться репрезентативными). На сегодняшний день почти для каждой из многочисленных мелких языковых групп Африки доступны по меньшей мере несколько кратких лексических списков; отдельных языков и диалектов, по которым не опубликовано никаких данных, остается еще очень много, но большинство таких языков, согласно предварительной оценке специалистов, уверенно определяются как представители конкретных языковых таксонов мелкого уровня — например, на основании краткого анкетирования носителей, свидетельств соседних племен и т. п. — по *другим* языкам которых опубликованные данные все же имеются. Разумеется, в отдельных случаях такие определения могут оказаться ошибочными, но в целом можно с уверенностью утверждать, что сегодня лексические и грамматические сведения по языкам Африки, находящиеся в нашем распоряжении, достаточно репрезентативны, чтобы полученной на их основании генетической классификации можно было присвоить статус «общеафриканской».

Мы отдаем себе полный отчет в том, что финальная цель, обозначенная в исследовании, предполагает огромный объем работы даже при выполнении тех условий, которые будут подробно опи-

саны в первом, методологическом разделе — определения и обоснования *минимального* объема материала, необходимого и достаточного для фиксации любого языка в конкретной точке генеалогического древа. Для того, чтобы такая работа могла считаться шагом вперед по сравнению со спорными, но, тем не менее, значительными и все еще актуальными результатами Дж. Гринберга, она должна обладать не только и не столько теоретическими, сколько «техническими» преимуществами, такими, как:

— максимально внимательный и аккуратный подход к записи, анализу и интерпретации языкового материала, строго учитывающий в том числе различия между высоко- и малодостоверными источниками;

— максимально детализированная и логически последовательная *экспликация* механизмов сравнения, реконструкции и классификации; необходимо стремиться к тому, чтобы как можно меньше выводов, в том числе «мелких», «промежуточных», подавались как «самоочевидные».

Второе из этих требований стоит, пожалуй, подчеркнуть особо. Мы твердо убеждены в том, что именно такого рода пропуск логических звеньев в цепочках этимологических рассуждений, иногда «доброжелательный» (когда исследователь действительно считает соответствующие звенья самоочевидными), иногда «злонамеренный» (когда отсутствие эксплицитной аргументации призвано замаскировать нежелание или фактическую невозможность справиться с реальной проблемой), является одним из ключевых препятствий к дальнейшему развитию сравнительно-исторического языкознания — не говоря уже о том, что искушение опустить подробную аргументацию часто приводит к губительным недоразумениям, возникающим между исследователем-компаративистом и специалистами «со стороны», на суд которых выносятся результаты исследования. Этот же недостаток способствует и созданию превратного впечатления об этимологии как о всецело субъективной области, где личные пристрастия и индивидуальная интуиция автора якобы играют не меньшую роль, чем строгий логический анализ данных в рамках объективно выработанных методологических стандартов.

Конечно, чаще всего ситуации, в которых читателю приходится самостоятельно «домысливать» отдельные звенья в цепи аргу-

ментации автора, обусловлены техническими причинами — например, соображениями объема; так, произвольно выбранный этимологический словарь размером в 1000 страниц при подробном разборе каждой этимологии легко рискует разрастись до 10,000. Но нужно понимать, что, экономя на объеме, мы рискуем сэкономить и на *степени убедительности* предъявленных этимологий, реконструкций и классификаций. То, что Дж. Гринбергу удалось уместить финальный вариант своей африканской лингвистической модели в 180 страниц текста (вместе с методологическим введением, индексами и библиографией) — достижение, безусловно, уникальное, но на самом деле каждая из страниц его монографии, содержащей конкретный языковой материал, подразумевает имплицитное присутствие подробного комментария объемом не менее чем в дополнительные 10-20 страниц (увы, большая часть этих комментариев так и осталась в голове Гринберга, в лучшем случае — на страницах его до сих пор неопубликованных записных книжек).

Именно поэтому в рамках нашего исследования мы *намеренно* не ставим своей целью краткость и сжатость изложения, особенно в тех его разделах, которые посвящены этимологическому анализу базисной лексики конкретных языковых групп. Это не только предоставит возможность легче и детальнее оценить ход рассуждений и выводы автора и выявить проникшие в них ошибки и неточности, но и облегчит чтение отдельных частей исследования для лингвистов, основной род деятельности которых не связан непосредственно с африканистикой или даже сравнительно-историческим языкознанием (смей надеяться, что работа вызовет определенный интерес не только у специалистов узкого профиля, но и у значительно более широкого круга читателей).

Оборотная сторона такого решения — невозможность уместить все результаты проделанной работы в пределах одного, даже весьма объемного, тома. Идеальная структура такого исследования видится нам следующим образом. Первые разделы должны быть посвящены «первичному» анализу базисного лексического материала по конкретным макросемьям Африки, выделенным Дж. Гринбергом, в следующей последовательности: (а) сугубо гипотетическая «койсанская» макросемья; (б) не менее гипотетическая «нило-сахарская» макросемья; (в) несколько более строго

обоснованная, но все равно страдающая от нечеткой определенности своих границ, «нигер-кордофанская» макросемья; (г) более или менее общепризнанная, но все же не полностью свободная от проблем таксономического характера афразийская макросемья. Основная цель такого первичного анализа — своего рода «за-чистка» лексического материала, конечный результат которой — реконструкция сравнительных 50-словных списков базисной лексики для всех «мелких» праязыков в пределах соответствующих макросемей (т. е. праформ, привязанных к хронологическому порогу не более чем в 3,000-3,500 лет).

Эта часть исследования — по сути, сводящая все разнообразие из двух с лишним тысяч языков Африки к паре сотен реконструированных лексических списков — является наименее «интересной» с точки зрения макрокомпаративиста, в первую очередь заинтересованного в верификации модели Гринберга, и, по-видимому, одновременно наиболее трудозатратной; однако без тщательного ее выполнения нет никакой возможности перейти ко второй части, т. е. построению единой классификационной модели, которая, в свою очередь, призвана свести полученную пару сотен «генеалогических узлов» к минимально приемлемому числу узлов верхних уровней, подтверждая или опровергая тем самым классификацию Гринберга.

В состав первого тома исследования включены теоретически-методологическая вводная часть (абсолютно необходимая для правильного истолкования общей идеологии исследования) и апробирование предложенной методики на материале одной из гипотетических макросемей Гринберга — койсанской (с которой, собственно говоря, и началась деятельность автора на ниве африканистики). (Параллельно с этим к публикации уже готовится второй том — по «восточносуданской» семье, одному из нескольких крупнейших компонентов, которые были объединены Дж. Гринбергом в «нило-сахарскую» макросемью).

В заключение нельзя не упомянуть, что объемность и сложность поставленной задачи неизбежно повлекут за собой ряд конкретных недостатков. Настолько, насколько это возможно, мы повсюду стараемся избегать противоречивого и двусмысленного употребления терминологии (за исключением специально оговоренных случаев); использования устаревших и недостоверных

материалов (за исключением ситуаций, когда такие материалы являются единственным источником сведений по тем или иным языкам); ошибок в фонологическом и морфологическом анализе лексики; неточностей и опечаток в транслитерации материала и в самом тексте исследования и т. п. Ответственность за все подобного рода огрехи, которые по тем или иным причинам так и не удалось устранить в финальной редакции, несет исключительно автор работы; хочется надеяться, что существенного влияния на корректность основных выводов они иметь не будут.

Наконец, необходимо отметить, что, параллельно с представлениями результатов исследования в форме связного текста, они также постепенно оформляются в виде лексикостатистических баз данных, снабженных подробными синхронными и историческими аннотациями, и выкладываются в открытый доступ на сайте «Глобальная лексикостатистическая база данных» / «Global Lexicostatistical Database» (дочернем проекте упоминавшейся выше программы «Эволюция языка»). В этих базах содержится детальная информация не только по 50-словным лексическим спискам, представляющим собой основной объект исследования в рамках данной работы, но и по полным 100-словникам, включая точные указания на конкретный источник (вплоть до номера страницы) для каждой из использованных форм, которые в текст работы включены не были. В отличие от окончательного текста исследования, базы данных подвергаются постоянной редакции и корректировке, так что все недочеты и исследовательские ошибки, обнаруженные в тексте, будут в первую очередь исправляться в системе баз данных, призванной содержать самые свежие результаты лексикостатистической и этимологической обработки базисной лексики по языкам как Африки, так и других лингвистических ареалов планеты.

Автор приносит глубокую благодарность своим коллегам — африканистам, компаративистам, лингвистам общего профиля — за многочисленные ценные замечания содержательного и технического характера, высказанные ими как в рамках бесед и консультаций, проводившихся в ходе работы над монографией, так и по итогам чтения исходного текста рукописи. Речь идет в первую очередь об отечественных специалистах, имевших возможность детально ознакомиться с текстом (К. В. Бабаев, С. А. Бурлак,

В. Ф. Выдрин, А. В. Дыбо, В. А. Дыбо, А. С. Касьян, А. Ю. Милитарев, О. А. Мудрак, С. Л. Николаев, И. И. Пейрос, В. А. Плунгян, К. И. Поздняков, О. В. Столбова и другие), а также о зарубежных специалистах, оказавших автору незаменимую поддержку в ходе сбора языковых данных и различных консультаций: это в первую очередь Р. Бленч, К. Коллинз, Н. Кроухолл, Б. Сэндс, Р. Фоссен, Х. Хаммарстрём, Г. Хонкен (последнему, к сожалению, благодарность выражается посмертно) и др.

Особо следует упомянуть С. А. Старостина (1953-2005) — отца и учителя, памяти которого в какой-то степени посвящена данная монография, так как без его научного руководства на протяжении десяти лет работы написание ее было бы абсолютно невозможным. Надеемся, что описанная в ней методика историко-лингвистического исследования языкового материала с попыткой выйти на «глубинный» хронологический уровень может рассматриваться как естественное дальнейшее развитие тех идей и методов, которые он сам постоянно разрабатывал и совершенствовал на протяжении более чем тридцати лет работы.

Отдельную благодарность хотелось бы выразить лицам и организациям, уже много лет подряд поддерживающим исследовательские программы «Вавилонская башня» и «Эволюция языка», в рамках которых автором была проделана основная работа над языками Африки. Это в первую очередь Центр компаративистики Института восточных культур и античности РГГУ (директор — В. А. Дыбо); Институт Ближнего Востока (президент — Е. Я. Сатановский); Институт Санта-Фе (соучредитель и соруководитель программы «Эволюция языка» — М. Гелл-Манн); а также Фонд фундаментальных лингвистических исследований, оказавший существенную поддержку в публикации монографии. Кроме того, работа была выполнена при поддержке отечественных фондов РГНФ (проект №12-04-00293) и РФФИ (проект №12-6-640-3) и Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики».